

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ КАК ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В 1990–1992 ГГ.

М. С. Русских

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Статья посвящена роли территориально-демографического аспекта в этнополитических процессах в Боснии и Герцеговине в начале — первой половине 1990-х годов. Рассмотрение конкретного случая начального этапа национального строительства и этнополитического конфликта осуществлено на основе синтеза подходов Мирослава Гроха и Роджера Брубейкера и построено на материале последней достоверной переписи населения Югославии. Автор статьи полагает, что рассмотрение начального этапа этнополитического конфликта на территории Боснии и Герцеговины через призму территориально-демографического аспекта позволяет получить более отчетливое и последовательное представление о его причинах, акторах и логике их действий. В этих целях автором была произведена систематизация этнического/национального состава населения Социалистической Республики Боснии и Герцеговины и Югославии в целом. По ее результатам были выделены потенциальные зоны этнополитической конфликтности, которые с высокой долей вероятности могли бы иметь существенное значение в перспективе мусульманского (позднее — бошняцкого) национального строительства. С учетом внутреннего и внешнего контекстов политических процессов в Боснии и Герцеговине и Югославии автором были представлены основные условия, сценарии и риски развития этнополитической ситуации с 1990 г. Далее в тексте было рассмотрено фактическое влияние территориально-демографического аспекта: на примере сербских и хорватских этнополитических проектов в Боснии и Герцеговине было выявлено совпадение потенциальных и реальных зон этнополитической конфликтности. Разобранный случай позволяет считать перспективным расширение исследований в данном направлении в рамках мониторинга и раннего предупреждения этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: национальное строительство, этнополитический конфликт, *новые национальные движения*, Югославия, Босния и Герцеговина, война в Боснии и Герцеговине.

ВВЕДЕНИЕ

В современной российской науке проблематика распада Второй Югославии определенно занимает особое место. Трагические события 1990-х и 2000-х годов, по итогам которых оказались перечеркнутыми идея единства славянских народов юга Европы и история во многом уникального федеративного государства, стали для многих исследователей интересом не только научного, но и жизненного характера. Об этом свидетельствует значительное количество исследований и публикаций по данной проблематике за последние 30 с лишним лет.

Вместе с тем в общем массиве опубликованной научной литературы наблюдаются исторический и политологический «уклоны», связанные с опорой исследователей на подходы из области исторической либо политической науки. В результате кризис и распад Второй Югославии представляются либо как избыточно комплексный процесс, в котором подчас затруднительно определить степень влияния конкретных факторов и выделить поворотные точки, либо только как результат понимаемых по конструктивистской логике действий со стороны политических акторов. Автор статьи полагает, что оба выделенных «уклона» склонны не вполне корректно задавать оптику рассмотрения проблематики кризиса и распада Второй Югославии и, по сути, препятствуют актуальным и для нашего времени практическим выводам научного и политического характера.

В связи с этим внимание следует обратить на внешне частный, но ретроспективно значимый аспект национального строительства и этнополитического конфликта в Боснии и Герцеговине (как существенной части длительного процесса распада Второй Югославии) — территориально-демографический. Автор имеет основания полагать, что принятие данного фактора во внимание позволит получить более отчетливое и конкретное представление о мусульманском (позднее — бошняцком) национальном строительстве, сербском и хорватском сепаратизме/ирредентизме и этнополитических конфликтах 1991–1995 гг. в целом.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

В статье используется комплексная методология, предполагающая со вмещение концепции «новых национальных движений» М. Гроха (Hroch) [Грох, 2011; Hroch, 2012; Hroch, 2015] и триадической модели национального строительства Р. Брубейкера (Brubaker) [Ачкасов и др., 2021, с. 226–240; Здравомыслов, Цуциев, 2003, с. 28–32; Brubaker, 1994; Brubaker, 1995; Brubaker, 1996]. В рамках данного подхода понятия «новое национальное движение» (М. Грох) и «национализирующееся государство» (Р. Брубейкер) рассматриваются как тождественные и сводятся к политическим полям (в их понимании П. Бурдьё (Bourdieu) как мест, в которых «путем соперничества вовлеченных агентов создается политическая продукция, проблемы, программы, анализ, комментарии, концепции и события» [Bourdieu, 1991, р. 172]) и далее к конкретным политическим акторам (партиям, движениям, группировкам), выступающим за национально-государственное строительство на основе конкретной этнической общности. Понятия «национальное меньшинство» и «внешнее отечество» аналогично используются для обозначения политических полей и акторов другой этнической общности, которая оказывается затронутой указанным выше процессом национально-государственного строительства.

Автор полагает, что прогнозирование национально-государственного строительства и оценку связанных с ней перспектив этнополитической конфликтности во всех конкретных ситуациях следует основывать на территориально-демографических данных, позволяющих определить предполагаемые границы и проблемные зоны для реализации целей политических акторов полей «нацио-

нализирующееся государство» / «новое национальное движение», «национальное меньшинство» и «внешнее отечество». Тем самым могут быть преодолены проблемы как глубинной историзации, так и произвольно-конструктивистской интерпретации реальных случаев.

В рамках данной статьи для определения тенденций национально-государственного строительства и этнополитической конфликтности в Боснии и Герцеговине к 1989/1990 гг. были обобщены и систематизированы данные этнического/национального состава населения Социалистической Республики (далее — СР) Босния и Герцеговина и Социалистической Федеративной Республики Югославия (далее — СФРЮ) в целом¹. Состав населения был рассмотрен по данным переписи 1981 г., поскольку данные последней переписи населения 1991 г. отличались неполнотой в связи с началом фактических военных действий и бойкотированием со стороны отдельных этнических групп [Мартынова, 2000, с. 77]. Цель моделирования национально-государственного строительства и этнополитической конфликтности состояла в понятном и доступном представлении вероятной логики поведения акторов. Позиция автора в рамках моделирования строилась на принципах соответствия избранной методологии, достаточности и фактической проверяемости предлагаемых моделей.

Написание названий общин (муниципальных образований) и населенных пунктов на русском языке преимущественно основано на официальной информации Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР [Югославия. Указатель географических названий, 1980].

МОДЕЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (СЛУЧАЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ)

При систематизации статистических данных автором было установлено, что в 88 (не включая Сараево) из приблизительно 100 общин СР Босния и Герцеговина имелись этнические/национальные меньшинства, составлявшие порядка 10 и более процентов от общей численности населения, и лишь 11 общин не характеризовались подобным образом (из них только 7 отличались однородным или близким к однородному этническим/национальным составом населения).

Кроме того, мусульмане составляли отчетливое меньшинство в отдельных общинах СР Македония, СР Сербия, СР Черногория и Социалистического Автономного Края (далее — САК) Косово. Мусульманское население в СР Македония было сосредоточено в двух общинах на приграничной и внутренней территориях (Дебар и Крушево). Мусульманское население в СР Сербия было сосредоточено в пяти общинах на приграничной территории (Прибой, Приеполле, Сеница, Нови-Пазар и Тутин; данные общины находились в части исторической области Санджак), в трех из которых составляло отчетливое большинство (Сеница — более 68 %, Нови-Пазар — более 67 %, Тутин — около 92 %). Мусульманское население в СР Черногория было сосредоточено в пяти общинах на

¹ Здесь и далее использованы данные: Peoples of Yugoslavia, distribution by opstina, 1981 census // Trove. URL: <https://nla.gov.au/nla.obj-262733943/view> (дата обращения: 17.08.2023).

приграничной территории (Плевля, Биело-Поле, Иванград, Рожай и Плав; данные общины находились в части исторической области Санджак), в двух из которых составляло отчетливое большинство (Рожай — около 84 %, Плав — около 52 %). Мусульманское население в САК Косово было сосредоточено в двух общинах на приграничной территории (Призрен и Драгаш).

Возникновение «нового национального движения» в СР Босния и Герцеговина и осуществление национально и государственно ориентированной деятельности имело бы отчетливо сепаратистский (с случае исторической области Санджак — потенциально ирредентистский) характер, при этом становящееся мусульманское национальное государство: 1) получило бы наиболее существенные границы с СР Хорватия, таким образом, выстраивание параллельных неконфликтных отношений с республиканскими властями имело бы принципиальное значение; 2) находилось бы в непосредственном соприкосновении с САК/АК Воеводина, СР Сербия и СР Черногория («сербским блоком») по всей границе на востоке; 3) имело бы в своем составе потенциально проблемные территории с преимущественно сербским, хорватским или смешанным населением (без отчетливо преобладавших этнических/национальных общностей или групп).

На основе данных переписи населения СФРЮ 1981 г. автором были выделены 12 (заметим: в 4 раза больше, чем в случае СР Хорватия) наиболее существенных зон с характерным этническим/национальным составом в СР Босния Герцеговина.

Зона 1 — «материк» из 18 общин с преобладанием сербского населения на приграничной и внутренней территориях (Босански-Нови, Босанска-Дубица, Босанска-Градишка, Србац, Баня-Лука, Лакташи, Пнрјавор, Челинак, Теслич, Босански-Петровац, Ключ, Мркониц-Град, Скендер-Вакуф, Титов-Дрвар, Босанско-Грахово, Гламоч, Шипово и Купрес; данные общины преимущественно находились в части исторической области Боснийская Краина). Зона 2 — «остров» из трех общин с преобладанием сербского населения на приграничной и внутренней территориях (Лопаре, Углевик и Биелина; данные общины находились в исторической области Семберия). Зона 3 — «архипелаг» из трех общин с преобладанием сербского населения на внутренней территории (Шековичи, Хан-Пиесак и Соколац; данные общины находились в частях исторических областей Бирач и Романия). Зона 4 — «архипелаг» из восьми общин с преобладанием сербского и смешанным (в одном случае) населением на приграничной и внутренней территориях (Калиновик, Невесине, Гацко, Билеча, Любине, Требине, Чайниче и Рудо; данные общины преимущественно находились в части исторической области Герцеговина). Зона 5 — «диада» из двух общин с преобладанием хорватского населения на приграничной территории (Оджак и Орашье; данные общины находились в части исторической области Боснийская Посавина). Зона 6 — «остров» из двух общин с преобладанием хорватского населения на внутренней территории (Киселяк и Крешево; данные общины находились в части исторической области Центральная Босния). Зона 7 — «материк» из 10 общин с преобладанием хорватского населения на приграничной и внутренней территориях (Ливно, Дувно, Прозор, Посушье, Груде, Лиштица, Любушки, Читлук, Чаплина и Неум; данные общины преимущественно

но находились в части исторической области Герцеговина). Зона 8 — «остров» из двух общин со смешанным населением на внутренней территории (Сански-Мост и Приедор; данные общины находились в части исторической области Боснийская Краина). Зона 9 — «архипелаг» из девяти общин со смешанным населением на приграничной и внутренней территориях (Дервента, Босански-Брод, Модрича, Босански-Шамац, Брчко, Добой, Маглай, Тузла и Жепче; данные общины находились в частях исторических областей Боснийская Посавина, Усора и Соли и Центральная Босния). Зона 10 — «остров» из семи общин со смешанным населением на внутренней территории (Котор-Варош, Яйце, Травник, Бугойно, Пуцарево (Нови-Травник), Витез и Бусовача; данные общины преимущественно находились в части исторической области Центральная Босния). Зона 11 — «остров» из общины Вареш, города и пригородов Сараева со смешанным населением на внутренней территории. Зона 12 — «остров» из двух общин со смешанным населением на внутренней территории (Мостар и Столац; данные общины находились в части исторической области Герцеговина).

Указанные территории могли выступать не только самостоятельными зонами потенциальной этнополитической конфликтности, но и зонами ее «экспорта» вовне (на соседние общины), чему способствовали: 1) специфика этнического/национального состава СР Босния и Герцеговина в целом, в частности его высокая фрагментированность (в 1981 г. мусульманское население составляло отчетливое большинство только в 32 из приблизительно 100 общин, преимущественно на западе, в центре и на востоке, в частях исторических областей Боснийская Краина, Усора и Соли, Центральная Босния и Герцеговина); 2) примыкание зоны 1 к общинам с преобладанием сербского населения в СР Хорватия; 3) примыкание зон 2, 4, 5 и 7 к САК/АК Воеводина, СР Сербия, СР Черногория и СР Хорватия (территориям потенциальных «внешних отечеств», для которых данные зоны могли выступить своего рода плацдармами).

Таким образом, начиная с 1990 г. акторы мусульманского «нового национального движения» гипотетически могли достичь собственных целей в условиях: 1) распада Союза коммунистов Югославии и начала борьбы за власть на уровне СР; 2) наличия сходных тенденций в СР Хорватия; 3) полной делегитимизации и парализации федеральных институтов государственной власти СФРЮ, в том числе и особенно — силовых структур; 4) отказа СР СФРЮ от перехода к слабой федералистской либо конфедералистской модели отношений; 5) предотвращения или разрешения проблем, связанных с зонами 1–12, и решения «мусульманского вопроса» в СР Сербия и СР Черногория (так называемой проблемы Санджака).

Наличие в СР Босния и Герцеговина 12 существенных зон с характерным этническим/национальным составом создавало для акторов мусульманского «нового национального движения» трилемму выбора централистской, федералистской либо деволуционной (с передачей властных полномочий на уровень областей или общин без федерализации республики) модели национально-государственного строительства. При этом выбор централистской модели непременно привел бы к росту этнополитической конфликтности в зонах 1–12 по при-

чине исключавшего признание друг друга характера стремлений акторов полей «мусульманское “национализирующееся государство” / “новое национальное движение”», «сербское “национальное меньшинство”» и (при соответствующих обстоятельствах) «хорватское “национализирующееся меньшинство”» с перспективой перерастания их отношений в открытый этнополитический конфликт при содействии акторов полей «сербское “внешнее отечество”» и «хорватское “внешнее отечество”» (цели первых — обретение независимости от СФРЮ и построение нового национального государства; цели вторых — сохранение в составе СФРЮ, что предполагало связь с акторами поля «сербское “внешнее отечество”» и открывало перспективу для односторонних действий; цели третьих — по меньшей мере обретение признания и обеспечение связи с акторами поля «хорватское “внешнее отечество”»; цели четвертых — предотвращение обретения независимости и построения нового национального государства акторами поля «мусульманское “национализирующееся государство” / “новое национальное движение”», т. е. фактически — разрушение данного поля в определенной перспективе и сохранение влияния на акторов поля «сербское “национальное меньшинство”»; цели пятых — как минимум обеспечение признания интересов акторов поля «хорватское “национализирующееся меньшинство”» и сохранение влияния на них). Выбор федералистской либо деволюционной модели с высокой долей вероятности не решил бы проблему конфликтности отношений мусульманского «нового национального движения» и «сербского блока» в СФРЮ в целом по причине исключавшего признание друг друга характера стремлений акторов и был крайне маловероятен в силу различных причин (в основном вследствие отсутствия необходимого для реализации приведенных выше моделей политического опыта).

Таким образом, общие перспективы мусульманского национально-государственного строительства представлялись весьма проблемными. Потенциальное возникновение этнополитического конфликта в ситуации крайне высокой фрагментированности этнического/национального состава СР Босния и Герцеговина, при которой общины с отчетливым большинством мусульманского населения не охватывали и половины территории СР Босния и Герцеговина, могло привести к катастрофическим последствиям: в случае начала открытых столкновений над данными территориями нависала прямая угроза их разделения и блокирования, при этом зоны 1–12 переставали быть безопасными для мусульманского населения.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ (1990–1992 ГГ.)

Начальной точкой формирования устойчивой структуры отношений акторов полей «мусульманское “национализирующееся государство” / “новое национальное движение”», «сербское “национальное меньшинство”» и «хорватское “национализирующееся меньшинство”» с вовлечением акторов полей «сербское “внешнее отечество”» и «хорватское “внешнее отечество”» стали первые демократические выборы в Скупщину (парламент) СР Босния и Герцеговина, состо-

явшиеся 18 ноября 1990 г. По их результатам «большинство (86 мест) в парламенте получила мусульманская Партия демократического действия (ПДД), затем с небольшим отрывом (72 места) следовали Сербская демократическая партия (СДП) и местное Хорватское демократическое содружество (ХДС) — 44 места» [Югославия..., 2011, с. 806]. Однако Скупщина и сформированное коалиционное правительство, несмотря на представительство основных этнических общностей СР Босния и Герцеговина (мусульман, сербов и хорватов), не стали институтами стабилизации политической обстановки в республике. Среди наиболее отчетливых причин этого — общий контекст выборов 1990 г., в котором СДП Боснии и Герцеговины и ХДС Боснии и Герцеговины рассматривались как политические силы, «производные» от одноименных политических партий Республики Хорватия, которые к тому моменту находились в серьезном конфликте друг с другом: так называемая Революция бревен и проведенный на «исторических территориях сербов» в Республике Хорватия референдум способствовали тому, что к концу 1990 г. на ее территории утвердилось фактическое двоевластие с центрами в Загребе и Книне. СДП Боснии и Герцеговины и ХДС Боснии и Герцеговины тем самым воспринимались не только проводниками интересов Белграда и Загреба на территории СР Босния и Герцеговина, но и партиями разворачивавшегося сербско-хорватского этнополитического конфликта. Не менее проблемно, с учетом ее национально-религиозной (пробошняцкой и происламской) позиции [Смирнов, 2012, с. 194–195], воспринималась и ПДД.

Параллельно с ухудшением обстановки в Республике Хорватия СДП Боснии и Герцеговины как ведущим актором поля «сербское “национальное меньшинство”» весной 1991 г. была превентивно начата реализация так называемого краинского сценария в СР Босния и Герцеговина. 25 апреля 1991 г. было образовано Содружество общин Боснийской Краины, которое изначально практически в полном объеме территориально охватывало зону 1 в СР Босния и Герцеговина: в его состав вошли 16 из 18 общин (Босанска-Дубица, Босанска-Градишка, Србац, Баня-Лука, Лакташи, Прнявор, Челинак, Босански-Петровац, Ключ, Мркониц-Град, Скендер-Вакуф, Титов-Дрвар, Босанско-Грахово, Гламоч, Шипово и Купрес)². По аналогии с Содружеством сербских общин Северной Далмации и Лики в СР/Республике Хорватия оно стало ядром сербского сепаратистского этнополитического проекта на территории СР Босния и Герцеговина.

Первое расширение данного сценария, приведшее к охвату зон 3 и 4 в СР Босния и Герцеговина, произошло в мае 1991 г.: 8 мая было образовано Содружество общин Романии, а 27 мая — Содружество общин Восточной и Старой Герцеговины³.

² United Nations International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991. Case No. IT-99-36-T. Date: 1 September 2004. Prosecutor v. Radoslav Brđanin. Judgement // United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia [website]. URL: <https://www.icty.org/x/cases/brdanin/tjug/en/brd-tj040901e.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

³ United Nations International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the former Yugoslavia since 1991. Case No.: IT-95-5/18-T. Date: 24 March 2016. Prosecutor v. Radovan Karadžić. Public redacted

Далее, в контексте фактических военных действий и определенных успехов сербских сепаратистов/ирредентистов в Республике Хорватия, к осени 1991 г. ведущие акторы полей «сербское “национальное меньшинство”» (СДП Боснии и Герцеговины) и «хорватское “национализирующееся меньшинство”» (ХДС Боснии и Герцеговины) при содействии и координации со стороны Белграда и Загреба интенсифицировали собственные сепаратистские сценарии в СР Босния и Герцеговина. 12 сентября 1991 г. на основе Содружества общин Восточной и Старой Герцеговины была образована Сербская автономная область (далее — САО) Герцеговина [Central Intelligence Agency..., 2002, p. 123]⁴. 16 сентября 1991 г. на основе Содружества общин Боснийской Краины был образован Автономный регион Краина (далее — АРК), не имевший отчетливого состава, — к нему, по разным данным, относились приблизительно 27 общин (Босански-Нови, Босанска-Дубица, Босанска-Градишка, Србац, Бихач (Бихач-Рипач), Босанска-Крупа, Сански-Мост, Приедор, Баня-Лука, Лакташи, Прнявор, Челинак, Котор-Варош, Теслич, Босански-Петровац, Ключ, Мркониц-Град, Скендер-Вакуф, Яйце, Дони-Вакуф, Бугойно, Титов-Дрвар, Босанско-Грахово, Ливно, Гламоч, Шипово и Купрес)⁵. Таким образом, АРК в полном объеме территориально охватывал зону 1 с преобладанием сербского населения и зону 8 со смешанным населением, затрагивал зону 7 с преобладанием хорватского населения (Ливно), зону 10 со смешанным населением (Котор-Варош, Яйце и Бугойно) и общины с преобладанием мусульманского населения в СР Босния и Герцеговина (Бихач, Босанска-Крупа и Дони-Вакуф). 17 сентября 1991 г. на основе Содружества общин Романии была образована САО Романия (позднее — САО Романия-Бирач). 19 сентября 1991 г. была образована САО Северо-Восточная Босния (позднее — САО Семберия, САО Семберия и Маевица) [Central Intelligence Agency..., 2002, p. 123]. Далее, по итогам принятия депутатами от ПДД и ХДС Боснии и Герцеговины Скупщины СР Босния и Герцеговина Меморандума о суверенитете, 24 октября 1991 г. была образована Скупщина сербского народа в Боснии и Герцеговине как его политический представитель в республике⁶. 4 ноября 1991 г. была образована САО Северная Босния⁷. В результате сербские этнополитические проекты территориально стали составлять «дугу», которая обособляла запад, центр и восток СР Босния и Герцеговина. 9–10 ноября 1991 г. в СР Босния и Герцеговина среди сербского населения был проведен референдум по вопросу о сохранении в со-

Version of Judgement issued on 24 March 2016. Volume I of IV // United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: https://www.icty.org/x/cases/karadzic/tjug/en/160324_judgement.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

⁴ См. также: *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ United Nations International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991. Case No. IT-99-36-T.

⁷ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Case no. IT-95-9. The Prosecutor of the Tribunal against Blagoje Simic, Milan Simic, Miroslav Tadic, Simo Zaric. Fourth Amended Indictment // United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: https://www.icty.org/x/cases/milan_simic/ind/en/sim-4ai020109e.htm (дата обращения: 17.08.2023).

ставе СФРЮ, по результатам которого 92% принявших участие проголосовали «за» [Хронология кризиса югославского государства, 1992, с. 370; Югославия..., 2011, с. 806–807]. Как и СДП в Республике Хорватия, СДП Боснии и Герцеговины была выбрана плебисцитарная форма легитимации будущего территориального дробления республики.

Практически одновременно, 18 ноября 1991 г., под началом ХДС Боснии и Герцеговины на основе общин СР Босния и Герцеговина с преобладанием хорватского населения было образовано Хорватское содружество Герцег-Босна (далее — ХСГБ; президент — М. Бобан), к которому относились приблизительно 30 общин (Скендер-Вакуф (частично), Котор-Варош, Яйце, Травник, Бугойно, Нови-Травник (Пуцарево), Витез, Бусовача, Какань, Вареш, Горни-Вакуф, Фойница, Киселяк, Крешево, Ливно, Томиславград (ранее — Дувно), Купрес, Прозор, Ябланица, Кониц, Мостар, Столац, Посушье, Груде, Широки-Бриег (ранее — Лиштица), Любушки, Читлук, Чаплина, Неум и Требине (частично))⁸. Таким образом, ХСГБ в полном объеме территориально охватывало зоны 6 и 7 с преобладанием хорватского населения и зоны 9 и 12 со смешанным населением, затрагивало зоны 1 и 4 с преобладанием сербского населения (Скендер-Вакуф, Купрес и Требине), зону 11 со смешанным населением (Вареш) и общины с преобладанием мусульманского населения (Какань, Горни-Вакуф, Фойница, Ябланица и Кониц) в СР Босния и Герцеговина.

В целом к концу ноября 1991 г. в СР Босния и Герцеговина возникла крайне конфликтогенная ситуация — одновременно существовали территориально наслаивавшиеся друг на друга мусульманский, сербский и хорватский этнополитические проекты, охватывавшие или затрагивавшие все зоны со смешанным населением, при этом по сербскому и хорватскому вариантам к собственно «мусульманской» части относились лишь отдельные территории на западе, в центре и на востоке СР Босния и Герцеговина.

В начале января 1992 г. с уменьшением интенсивности фактических военных действий в Республике Хорватия был предпринят новый виток развития сепаратистских проектов в СР Босния и Герцеговина. К тому моменту для усиления позиций этнополитического проекта ХСГБ было предпринято формирование парамилитарного образования Хорватское вече обороны, фактически находившегося в подчинении Министерства обороны Республики Хорватия [Central Intelligence Agency..., 2002, р. 134]. Параллельно 3 января 1992 г. в Любушках (зона 7 в СР Босния и Герцеговина) был учрежден «главный штаб» парамилитарного образования Хорватские оборонительные силы в Боснии и Герцеговине [Central Intelligence Agency..., 2002, р. 133], выступавшего в русле идей Хорватской партии права за этнополитический проект «Большая Хорватия», в соответствии с которым вся территория СР Босния и Герцеговина рассматривалась как часть «исторической Хорватии», а ХСГБ — как проект ХДС/ХДС в Боснии

⁸ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia . The Prosecutor of the Tribunal against Jadranko Prlic, Bruno Stojic, Slobodan Praljak, Milivoj Petkovic, Valentin Coric and Berislav Pusic. Indictment // United Nations International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia . URL: <https://www.icty.org/x/cases/prlic/ind/en/prli-ii040304e.htm> (дата обращения: 17.08.2023).

и Герцеговине, препятствовавший данной цели. 9 января 1992 г. на основе АРК и существовавших САО в СР Босния и Герцеговина была образована Республика сербского народа в Боснии и Герцеговине⁹.

Резкий рост этнополитической конфликтности в СР Босния и Герцеговина, пришедшийся на конец февраля — начало марта 1992 г., был непосредственно связан с синхронными действиями акторов полей «сербское “национальное меньшинство”», «мусульманское “национализирующееся государство” / “новое национальное движение”» и «хорватское “национализирующееся меньшинство”». 28 февраля 1992 г. Скупщиной сербского народа в Боснии и Герцеговине была принята конституция Сербской Республики Босния и Герцеговина (ранее — Республика сербского народа в Боснии и Герцеговине)¹⁰. 29 февраля — 1 марта 1992 г. в СР Босния и Герцеговина среди мусульманского и хорватского населения был проведен референдум по вопросу о суверенитете и независимости, по результатам которого 99,7% принявших участие проголосовали «за». По итогам референдума 3–4 марта 1992 г. в Сараеве (зона 11 в Республике Босния и Герцеговина) произошли вооруженные столкновения групп сербов и мусульман, в ходе которых погибли четыре человека [Central Intelligence Agency..., 2002, р. 124–125].

18 марта 1992 г. в Сараеве при содействии ЕС мусульманской, сербской и хорватской сторонами (председателем Президиума Республики Босния Герцеговина А. Изетбеговичем, президентом Сербской Республики Босния и Герцеговина Р. Караджичем, президентом ХСГБ М. Бобаном) были подписаны Основные принципы конституционного решения [для] Боснии и Герцеговины («план Карингтона — Кутилейру» как проект кантонизации республики по этническому/национальному признаку), однако 25 марта 1992 г. председатель Президиума Республики Босния и Герцеговина А. Изетбегович отказался от своей подписи под Основными принципами [Гуськова, 2016, с. 82–83], в связи с чем перспектива мирного разрешения нарастающего этнополитического конфликта практически исчезала.

31 марта — 4 апреля 1992 г. в Биелине (зона 2 в Республике Босния и Герцеговина) в результате провокационных действий произошли вооруженные столкновения групп сербов и мусульман, в которых приняли участие боевики парамилитарного образования Сербская добровольческая гвардия, ранее участвовавшего в фактических военных действиях на территории Республики Хорватия. В целях предотвращения аналогичных инцидентов 4 апреля 1992 г. председатель Президиума Республики Босния и Герцеговина А. Изетбегович отдал приказ о всеобщей мобилизации, который был проигнорирован сербским населением. 6 апреля 1992 г. была провозглашена независимость Республики Босния и Герцеговина и фактические военные действия начались на всей ее территории [Central Intelligence Agency..., 2002, р. 135–136], при этом акторы этнополитического конфликта пытались расширить и стабилизировать территориальный кон-

⁹ United Nations International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the former Yugoslavia since 1991. Case No.: IT-95-5/18-T.

¹⁰ Ibid.

троль, прибегая к практике так называемых этнических чисток. Начавшаяся весной 1992 г. в Боснии и Герцеговине война продлилась в итоге более 3,5 лет, став одним из самых кровопролитных европейских конфликтов конца XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ территориально-демографического аспекта национального строительства и этнополитического конфликта в Боснии и Герцеговине дает основания для вывода о перспективности расширения подобных исследований. Во-первых, использование твердой фактической базы позволило отчетливо определить предполагаемые границы и проблемные зоны для реализации целей политических акторов, на основе чего были представлены обоснованные сценарии развития ситуации. Во-вторых, моделирование начального этапа национального строительства и возникновения этнополитического конфликта в Боснии и Герцеговине было проверено фактически и нашло подтверждение. В-третьих, представляется целесообразным применение данного подхода для анализа и прогнозирования развития иных случаев потенциальной этнополитической конфликтности, поскольку фактор физического и символического присвоения территории (территориального контроля в его широком понимании) не утратил актуальности в современных условиях. Конкретным решением могло бы стать применение данного подхода в рамках мониторинга и раннего предупреждения этнополитических конфликтов.

Литература

Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст / отв. ред. В. А. Ачкасов, А. И. Абалян. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 640 с.

Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 27–36.

Гуськова Е. Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 78–94.

Здравомыслов А. Г., Цуциев А. А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 20–50.

Мартынова М. Ю. Этнический фактор в югославской модели федерализма // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства / отв. ред. М. Ю. Мартынова, Н. Н. Грацианская. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 50–78.

Смирнов А. В. Становление Партии демократического действия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 1. С. 193–199.

Хронология кризиса югославского государства // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1 / отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М.: Фонд югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись», 1992. С. 341–370.

Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индик, 2011. 888 с.

Югославия. Указатель географических названий. М.: ГУГК, 1980. 24 с.

Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society. 1994. Vol. 23, no. 1. P. 47–78. <https://doi.org/10.1007/BF00993673>

Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe // *Daedalus*. 1995. Vol. 124, no. 2. P. 107–132.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996. xii+202 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511558764>

Bourdieu P. Political Representation: Elements for a Theory of the Political Field // *Idem.* Language and Symbolic Power / ed. and introd. by J. B. Thompson; transl. by G. Raymond, M. Adamson. Cambridge, 1991. P. 171–202.

Central Intelligence Agency, Office of Russian and European Analysis. Balkan Battlegrounds: A Military History of the Yugoslav Conflict 1990–1995. Vol. I. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 2002. xxx+501 p.

Hroch M. From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe // *Mapping the Nation* / ed. by G. Balakrishnan; introd. by B. Anderson. London, New York: Verso, 2012. P. 78–97.

Hroch M. European Nations: Explaining Their Formation / transl. by K. Graham. London, New York: Verso, 2015. xii+330 p.

Русских Михаил Сергеевич — ст. преп.; [mrussskih@herzen.spb.ru](mailto:mrussskih@ Herzen.spb.ru)

Статья поступила в редакцию: 18 августа 2023 г.;

рекомендована к печати: 26 февраля 2024 г.

Для цитирования: *Русских М. С.* Особенности территориального расселения этнических общностей как фактор этнополитической конфликтности в Боснии и Герцеговине в 1990–1992 гг. // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2024. Т. 20, № 2. С. 304–316. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.211>

PECULIARITIES OF ETHNIC COMMUNITIES' TERRITORIAL SETTLEMENT AS A FACTOR OF ETHNOPOLITICAL CONFLICT PROPENSITY IN BOSNIA AND HERZEGOVINA IN 1990–1992

Mikhail S. Russkikh

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; mrussskih@herzen.spb.ru

The article addresses the territorial and demographic aspect of the ethno-political processes in Bosnia and Herzegovina in the early 1990s. The initial stage of nation-building and ethno-political conflict is analyzed on the basis of Miroslav Hroch and Rogers Brubaker approaches synthesis and is backed by the last reliable Yugoslavia census data. The author assumes that studying of the Bosnian ethno-political conflict initial stage through the prism of the territorial and demographic aspect allows one to get a clearer and more consistent idea of its causes, actors and logic behind them. For these purposes the ethnic/national composition of the Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina and Yugoslavia was systematized. Based on its results, the author managed to identify potential ethno-political conflict areas that could be of significant importance in the perspective of Muslim (later — Bosniak) nation-building. Taking into account the internal and external contexts of political processes in Bosnia and Herzegovina and Yugoslavia, the author presented the main conditions, scenarios and risks of the ethno-political situation development since 1990. The influence of the territorial and demographic aspect was considered further and revealed the potential and actual ethno-political conflict areas overlapping on the example of Serbian and Croatian ethno-political projects in Bosnia and Herzegovina. The analyzed case allows the author to consider the approach promising with its possible implementation in the framework of ethno-political conflicts monitoring and early warning.

Keywords: nation-building, ethno-political conflict, new national movements, Yugoslavia, Bosnia and Herzegovina, Bosnian war.

References

Achkasov V.A., Abaljan A.I., Andreev A.A., Nikiforov A.A. *Ethnopolitical conflicts and mobilization in the modern world: the post-Soviet context*, eds in chief V.A. Achkasov, A.I. Abaljan. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2021. 640 p. (In Russian)

Bourdieu P. Political Representation: Elements for a Theory of the Political Field. In: *Idem. Language and Symbolic Power*, ed. and introd. by J. B. Thompson, transl. by G. Raymond, M. Adamson. Cambridge, 1991, pp. 171–202.

Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe, *Daedalus*, 1995, vol. 124, no. 2, pp. 107–132.

Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996. xii+202 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511558764>

Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account, *Theory and Society*, 1994, vol. 23, no. 1, pp. 47–78. <https://doi.org/10.1007/BF00993673>

Central Intelligence Agency, Office of Russian and European Analysis. *Balkan Battlegrounds: A Military History of the Yugoslav Conflict 1990–1995*, vol. I. Washington: Central Intelligence Agency, 2002. xxx+501 p.

Chronology of the crisis of the Yugoslav state. In: *Yugoslavia on fire: Documents, facts, commentaries (1990–1992)*. *Contemporary history of Yugoslavia in documents*, vol. 1, ed. in chief E. Ju. Gus'kova. Moscow: Fond iugoslavianskikh issledovanii i sotrudnichestva "Slavianskaia letopis'" Publ., 1992, pp. 341–370. (In Russian)

Gus'kova E. Ju. Armed conflict and political settlement: the crisis of the dialogue model in the Balkans in the 1990s. *Modern and Contemporary History*, 2016, no. 6, pp. 78–94. (In Russian)

Hroch M. Consensus explanation for the formation of nations. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 1, pp. 27–36. (In Russian)

Hroch M. *European Nations: Explaining Their Formation*, transl. by K. Graham. London, New York: Verso, 2015. xii+330 p.

Hroch M. From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe. In: *Mapping the Nation*, ed. by G. Balakrishnan, introd. by B. Anderson. London, New York: Verso, 2012, pp. 78–97.

Martynova M. Ju. Ethnic factor in the Yugoslav model of federalism in: *Europe at the turn of the third millennium: peoples and states*, eds in chief M. Ju. Martynova, N. N. Gracianskaja. Moscow: IEA RAN Publ., 2000, pp. 50–78. (In Russian)

Smirnov A. V. Formation of the Party of democratic action. *Vestnik of St. Petersburg University. History*, 2012, no. 1, pp. 193–199. (In Russian)

Yugoslavia in the XX century: Essays on political history, ed. in chief K. V. Nikiforov. Moscow: Indrik Publ., 2011. 888 p. (In Russian)

Yugoslavia. Index of geographical names. Moscow: MAGC Publ., 1980. 24 p. (In Russian)

Zdravomyslov A. G., Cuciev A. A. Ethnicity and ethnic violence: confrontation of theoretical paradigms. *Sociological journal*, 2003, no. 3, pp. 20–50. (In Russian)

Received: August 18, 2023

Accepted: February 26, 2024

For citation: Russkikh M. S. Peculiarities of ethnic communities' territorial settlement as a factor of ethnopolitical conflict propensity in Bosnia and Herzegovina in 1990–1992. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 2, pp. 304–316. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.211> (In Russian)